

в свою очередь, повышает уверенность студентов в себе, их лидерские качества и способность эффективно излагать сложные идеи, способствует их успеху в юриспруденции и других областях научных знаний.

Следует отметить, что профессорско-преподавательским составом решается еще одна важная задача — выявление талантливых студентов, имеющих исследовательские достижения, чтобы в дальнейшем предоставлять им возможности для дальнейшего развития.

Важным стимулирующим фактором выступает признание и подтверждение выдающихся студенческих достижений в виде наград, стипендий или возможностей для публикации, что мотивирует к продолжению и совершенствованию занятия исследовательскими научными проектами.

В данном случае не стоит забывать и о перспективной цели — привлечении талантливых студентов к дальнейшему поступлению в аспирантуру. Это дает множество преимуществ, включая углубленную специализацию, возможности для проведения исследований, карьерный рост, профессиональное развитие и самореализацию.

Таким образом, стимулируя студентов к научно-исследовательской деятельности в рамках образовательного процесса, а потом в дальнейшем выпускников — к получению ученых степеней, воспитывается следующее поколение ученых, исследователей и лидеров, которые внесут значительный вклад в развитие юриспруденции.

Рувинский Роман Зиновьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры истории и теории государства
и права Нижегородского института
управления — филиала РАНХиГС

Российская юриспруденция перед лицом глобальных кризисных трансформаций

Современная юридическая наука оказалась в затруднительном положении. Возможно, в наиболее затруднительном с тех пор, как на рубеже XVIII–XIX веков на месте плюрализма правовых порядков утвердился юридико-позитивистский монизм¹, а право стало прочно ассоциироваться с замкнутыми в своих границах национальными государствами. Отточенность и изощренность юридико-технического инструментария, используемого в текстах правовых актов, высокий престиж юридической профессии во всем мире и блеск регулярно проводимых научно-практических конференций по правовым проблемам лишь затеяют растерянность, тупиковость, самореферентность и глубокую вторичность юридического научного знания. Если пытаться подобрать параллели в истории науки, то, пожалуй, в качестве наиболее подходящей аналогии состоянию современного правоведения можно указать на... кризис классической физики, проявившийся к началу прошлого столетия и преодоленный впоследствии благодаря таким ученым, как М. Планк, А. Эйнштейн и Н. Бор. К сожалению, состояние российской юридической науки оставляет желать лучшего даже на фоне общемирового кризиса юриспруденции.

В общем-то, кризис — наиболее подходящее слово как для описания состояния современной юридической науки, так и для характеристики ситуации, сложившейся на сегодняшний день практически во всех областях общественной жизни. Судя по всему, достигла своих пределов социальная парадигма индустриального капитализма, соответствующая исторической эпохе модерна и известная такими своими атрибутами, как ценности Просвещения, признание объединенных в нацию граждан в качестве учредительной власти, формальное равенство граждан и безусловный императив для государственных органов действовать в соответствии с правом (хотя бы в значении позитивного права, то есть законов, принятых самими государственными органами). Право — квинтэссенция социального, правовые установления затрагивают наиболее значимый сегмент общественных отношений: по поводу формирования и функционирования системы управления в масштабах страны, международных отношений, имущественных, корпоративных, трудовых отношений и т. д. Поэтому нет ничего удивительного в том, что трансформации моделей организации общества, отправления власти и пользования социальными благами отражаются на действующем праве и современной науке о нем.

¹ Schmitt C. Die Lage der europäischen Rechtswissenschaft. Tübingen: Internationaler Universitäts-Verlag Publ., 1950.

Любая наука выполняет познавательную функцию. Без накопления знаний об изучаемом объекте выявление закономерностей развития этого объекта, следовательно, невозможно и построение траекторий его *будущего* развития. Любая наука формирует для себя тот или иной понятийно-категориальный аппарат, с помощью которого и описывает изучаемую действительность. Это очевидные истины, и такое положение дел совершенно естественно, однако бывает и так, что сформировавшийся понятийный аппарат становится не вполне адекватным изменившемуся объекту описания, а простое накопление знаний с привычным описанием сущего в устаревших понятиях и категориях препятствует своевременному и должному реагированию на вызовы динамичной реальности. Наука может отставать от жизни, особенно это касается наук социальных.

На самом деле, мы уже вышли за исторические рамки модерна — эпохи, породившей привычные нам представления о праве, государстве, правах человека, юридической ответственности и иных явлениях правовой действительности. Уже неоднократно говорилось о том, что современные государства все в меньшей степени соответствуют образу национального суверенного государства (то есть государства, суверенитет в котором принадлежит его народу), сформировавшегося в результате социальных революций в Европе и национально-освободительной борьбы в странах третьего мира¹. Процессы экономической глобализации сделали государственный суверенитет текучим, расплывчатым, а усовершенствование манипулятивных политтехнологий позволило свести электоральные процедуры по всему миру к формальности, симуляции. Зачастую граждане не понимают, кто и зачем принимает те или иные социально значимые решения: общественный договор не просто изменен — его, похоже, теперь вовсе не существует! На место правового государства-нации постепенно приходит новая управленческая модель — государство как платформа², или датафицированное³ (*datafied*) государство, все большее значение в рамках которого придается обработке репутационных данных об индивидах и организациях и в котором формально равные друг другу лица оказываются фактически неравны в возможности реализации своих законных прав⁴. Цифровая трансформация публичного управления не только делает пользование отдельными государственными услугами более удобным, но и в конечном счете необратимым образом трансформирует облик государственности в целом, характер отношений между гражданином и государством, место индивида в рамках существующего правопорядка. Параллельно всему этому можно обнаружить симптомы эрозии права собственности⁵ и возрастающие правовые проблемы, сопряженные с развитием искусственного интеллекта и робототехники⁶.

Мир меняется на наших глазах, а у юристов есть как будто бы всего два способа реагировать на происходящие перемены: закрыть на них глаза и продолжать рассуждать о праве и государстве в терминах прошлого столетия или горячо приветствовать происходящие перемены, описывая сущее как должное. Конечно, есть приятные исключения, но два указанных варианта, судя по всему, наиболее распространены. Чтобы убедиться в этом, достаточно поучаствовать в паре-тройке отечественных научных конференций по праву: лучшие выступления на них, как правило, скрупулезно разбирают уже сложившиеся практики, уже принятые решения (сложившийся режим правового регулирования определенной области отношений, сформировавшуюся уже судебную практику),

¹ См.: Jaysuriya K. Globalization, Law and the Transformation of Sovereignty: The Emergence of Global Regulatory Governance // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 1999. Vol. 6. No. 2. Pp. 425–455; Рувинский Р. З. Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы. Санкт-Петербург: Алетей, 2020. С. 118–126.

² См.: Государство как платформа: (кибер)государство для цифровой экономики / М. Петров, В. Буров, М. Шклярчук, А. Шаров. Москва: Институт стратегических разработок, 2018. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/313/3132b2de9cccf0db1eecd56071b98f5f.pdf> (дата обращения: 20.05.2024); Alauzen M. The platform state and digital identification of users: The FranceConnect design process // *Réseaux*. 2019. No 1 (213). Pp. 211–239.

³ Dencik L. The datafied welfare state: A perspective from the UK // *New Perspectives in Critical Data Studies*. 2022. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-96180-0_7 (дата обращения: 20.05.2024).

⁴ См.: Рувинский Р. З. Правовые аспекты внедрения системы социального кредита в современное публичное управление: монография. Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2022. С. 150–151.

⁵ См.: Kreiczer-Levy S. Destabilized Property: Property Law in the Sharing Economy. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

⁶ См.: Simshaw D. Ethical Issues in Robo-Lawyering: The Need for Guidance on Developing and Using Artificial Intelligence in the Practice of Law // *Hastings Law Journal*. 2018. Vol. 10. Pp. 173–212; Zekos G. I. Advanced Artificial Intelligence and Robo-Justice. Cham: Springer, 2022.

худшие же повторяют известные истины или представляют собой рассуждения о далеких и мало-актуальных вопросах, выделения новых таксономий известных правовых явлений, нахождения различий в подходах к правопониманию отдельных зарубежных авторов, описания правовой истории далеких экзотических стран (то есть о всем том, что можно было бы назвать «*юридическим фэнтези*»).

В зарубежном, западном правоведении ситуация несколько отличается: ученые-юристы (разумеется не все, но речь здесь об общей картине) в меньшей степени, чем их российские коллеги, заняты обоснованием сущего как должного и обсуждают отнюдь не беспроблемные исследования, проводимые с целью накопления знания ради самого знания. В центре внимания наших западных коллег именно актуальные, острые проблемы современного политико-правового бытия, хотя так же, как и в России, на Западе правоведы стараются не выходить за пределы господствующего дискурса (разница лишь в том, что западный дискурс имеет стилистические и содержательные расхождения от российского), не подвергать сомнению доминирующие нарративы¹. Какой бы ограниченной и идеологизированной ни была западная юридическая наука, она, судя по всему, не боится переосмысления устоявшихся политико-правовых концептов, отказа от юридического языка и принципов ушедшей уже эпохи. Западные ученые не только не боятся, но, складывается впечатление, даже активно стремятся к отходу от устоявшихся политико-юридических нарративов модерна. В России же мы почему-то до сих пор говорим о государстве как о самодостаточной суверенной политико-территориальной организации, выражающей долгосрочные интересы той или иной нации, о праве как прежде всего о наборе положений, установленных на национальном уровне государственными органами и имеющих безусловный приоритет над любыми правилами и стандартами наднационального / внегосударственного происхождения, о процедурах правового принуждения как о том, что всеобъемлющим образом описано в соответствующих нормативных правовых актах. Как будто бы на дворе не 2024-й, а 1974-й или даже 1924-й год. Как будто бы не было фактически незаконного (и при этом не внеправового!) ограничения прав и свобод граждан по всему миру в период пандемии коронавируса, не было надстраивания внеконституционных обязанностей и ограничений поверх системы конституционных норм. Как будто бы процессы сбора и обработки все больших массивов цифровых данных о поведении субъектов и их репутации не ведут к трансформации механизмов юридической ответственности и ретроспективного расследования уже совершенных правонарушений в систему управления рисками², превентивного ограничения прав в фактически перспективное понимание юридической ответственности³.

¹ Показательными в этом плане являются тематика и содержание докладов на конференции Международного общества публичного права *ICON*S Mundo* (6–9 июля 2021 г.), в работе которой довелось принять участие автору настоящей статьи. Исследования, посвященные вполне современным, актуальным темам, были в основном довольно-таки узки в своей направленности и редко пытались представить общую картину рассматриваемой проблематики. Сложилось ощущение, что большинство участников мероприятия разделяют набор примерно одних и тех же идей, установок и ценностей. В целом это ценности и установки глобализма, в рамках которого прекрасно сосуществуют и вполне традиционные либерально-западнические идеологии, и как бы антизападнический антиколониальный дискурс угнетенных народностей, расовых и сексуальных меньшинств и т. п. Государства в рамках такого «глобалистского» дискурса воспринимаются по большей части как некое препятствие, рудимент прошлой эпохи, необходимое зло в условиях перехода к новой реальности (и, как ни парадоксально, инструмент этого перехода). То, что расходится с космополитическими либеральными установками, объявляется авторитаризмом, требующим как минимум существенного реформирования, а как максимум — полного демонтажа. Было заметно, что западные правоведы довольно-таки основательно разбирают такие частные вопросы, как риски включения дискриминационных критериев оценки индивидов в современные алгоритмические системы, формирование систем регулирования и правоприменения на базе технологий искусственного интеллекта, защиту конституционализма от популизма и авторитаризма и т. п., но мало кто готов задаться вопросом о том, для чего разрабатываются соответствующие системы регулирования, правоприменения и контроля, кто стоит за их внедрением, в какую сторону их внедрение трансформирует институты государственности и правовые системы, не разрушают ли все эти инновации современный конституционализм гораздо эффективнее любого авторитаризма и популизма. За частными проблемами теряется из виду общая картина правового порядка. Судя по всему, в западной науке, как и в российской, существует самоцензура.

² См.: Coleman R., McCahill M. *Surveillance & Crime*. London: SAGE, 2011. Pp. 69–70, 75.

³ Рувинский Р. 3. Правовые аспекты внедрения системы социального кредита в современное публичное управление. С. 135.

Как будто бы глобальная повестка так называемой борьбы с изменением климата»¹, цифровой трансформации публичного управления², предупреждения новых пандемий и энергетического перехода³ реализуются на уровне отдельных государств исключительно по их суверенной воле, а принимаемые на уровне отдельных стран решения лишь по случайности осуществляются синхронно по всему миру. Как будто бы отдельное, даже располагающее значительными ресурсами и военной мощью, государство действительно в наше время может не оглядываться в проведении своей политики на решения наднациональных институтов регулирования и управления (ВОЗ, ФАО, Всемирный Банк, МВФ и др.)⁴... Если отечественные ученые в своих академических публикациях еще как-то пытаются осмыслить актуальные проблемы и противоречия, то учебники, по которым учат будущих юристов, могут отставать от современных реалий на десятилетия.

Отсутствие остроты подлинной проблемы, которой стоило бы заниматься и стоило бы решать в отечественных исследованиях, особенно в исследованиях теоретико-правового характера — отдельная тема для разговора. Давно неактуальна уже и игра в правовую постмодернизм, выискивание постклассических определений понятия права, релятивизация всего и вся, сомнение в достоинстве. То, что на Западе обсуждали в 1960–80-е годы, российские ученые почему-то обсуждают до сих пор, хотя уже даже на Западе вместо модного прежде отказа от устойчивых объяснительных конструкций в ходу жесткие политико-правовые нарративы: критика институтов национального государства и авторитарного законодательства отдельных национальных государств, юридикация так называемой культуры отмены (*cancel culture*), юридикация репутации субъекта и пр.

В то время как российские авторы продолжают выискивать истину в трудах Кельзена и Дворкина, их западные коллеги формируют новую, правовую (а по сути, *постправовую*) доктрину, делая это, впрочем, полубессознательно, плохо отдавая себе отчет в том, что такая доктрина и соответствующая ей практика в перспективе способны покончить с цивилизацией права как таковой, с идеалами правового государства и верховенства права во всех сферах общественной жизни. Что включает в себя эта набирающая силу юридическая доктрина? Среди ее составляющих: обесценивание индивида в качестве субъекта права путем признания правосубъектности за животными, системами искусственного интеллекта и иными объектами⁵; отрицание значимости принципов права эпохи модерна через его критику с позиций теории антропоцена⁶; релятивизация права собственности, замена собственности иными, более гибкими формами владения и пользования⁷;

¹ Ср.: Климатическая доктрина Российской Федерации: утверждена указом Президента Российской Федерации от 26 октября 2023 года № 812. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310260009> (дата обращения: 20.05.2024); Regulation (EU) 2021/1119 establishing the framework for achieving climate neutrality and amending Regulations (EC) No 401/2009 and (EU) 2018/1999 ("European Climate Law") // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=legisum:4536626> (дата обращения: 20.05.2024).

² Ср.: Стратегическое направление в области цифровой трансформации государственного управления: утверждено распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 марта 2024 года № 637-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202403200032> (дата обращения: 20.05.2024); Regulation (EU) 2021/694 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2021 establishing the Digital Europe Programme and repealing Decision (EU) 2015/2240 // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2021/694/oj>. (дата обращения: 20.05.2024).

³ Ср.: О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации: федеральный закон от 6 марта 2022 года № 34-ФЗ. URL: <http://wwwpublication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203060003> (дата обращения: 20.05.2024); Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions REPowerEU Plan // EUR-Lex. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM:2022:230:FIN> (дата обращения: 20.05.2024).

⁴ В качестве замечательного примера глубокого понимания роли транснациональных акторов и создаваемых ими норм не только в развитии правовых систем, но и в развитии юридической эпистемологии см.: Avbelj M. Transnational law between modernity and postmodernity // *Transnational Legal Theory*. 2017. Pp. 406–428.

⁵ См.: Oliveira A. Subject (in) Trouble: Humans, Robots, and Legal Imagination // *Laws*. 2020. Vol. 9. No. 2. URL: <https://doi.org/10.3390/laws9020010> (дата обращения: 20.05.2024).

⁶ См.: Biber E. Law in the Anthropocene Epoch // *The Georgetown Law Journal*. 2017. Vol. 106. No. 1. Pp. 1–68; Grear A. Legal Imaginaries and the Anthropocene: "Of" and "For" // *Law and Critique*. 2020. Vol. 31. Pp. 351–366; Капра Ф., Маттеи У. Экология права. На пути к правовой системе в гармонии с природой и обществом / пер. с англ. Г. Карпова. Москва: изд-во Института Гайдара; Санкт-Петербург: факультет свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета, 2021.

⁷ Krecizer-Levy S. Op. cit.

новое, более широкое понимание юридической ответственности и наказания; критика существующих норм о неприкосновенности частной жизни как избыточных¹; сдвиг от консенсусных форм организации общественной жизни к формам, предполагающим принуждение.

В то время, когда одновременно и на Западе, и на Востоке право постепенно заменяется новой синкретической системой социальной регуляции², в рамках которой позитивное право является лишь основанием / поводом для применения инструментов цифрового поведенческого анализа, социального дизайна и технологических артефактов, в России мы не можем и не должны копировать чужие концепты, плестись за чужими (не важно, европейскими или, допустим, китайскими) трендами. Нельзя ни продолжать переваривать устаревшие и *de facto* переставшие соответствовать реальной жизни доктрины законности, правового государства, государственного суверенитета и т. д., ни бездумно перенимать новомодные конструкты, такие как цифровое право, государство как цифровая платформа, социально-кредитная репутационная оценка, управление рисками (как заменитель традиционных механизмов профилактики правонарушений и юридической ответственности), суверенитет как ответственность³ и собственность как бремя⁴. Некоторые из специфических современных доктрин и конструкций могут быть полезны и потребуют усилий для их развития, но всегда, прежде чем перенимать что-то, должны быть заданы вопросы: «Куда это ведет?», «Кому это нужно?», «Кто от этого выиграет?»

Российской юридической науке предстоит найти ответы на вызовы, возникающие как вследствие объективно-исторических процессов, так и вследствие субъективных по своей природе программ и проектов, воплощаемых сегодня за рубежом. Предстоит сформулировать свое отношение к развивающимся на Западе политико-правовым нарративам: очевидно, что это отношение не может и не должно сводиться к отворачиванию спиной или примитивной огульной критике этих нарративов в пользу концептов и идей прошлого и позапрошлого веков. Но важно также не очароваться модными и, казалось бы, прогрессивными идеями зарубежных коллег.

Юридическая наука не должна существовать автономно от практики и не может сводиться лишь к апологетике устоявшихся практик и принятых решений. Прогресс российской правовой системы в значительной степени будет зависеть от того, удастся ли юридической доктрине стать мастерской по выработке концептуальных смыслов и конкретных будущих решений, удастся ли ей вернуть праву звание «искусства доброго и справедливого». Пока наука о праве в России — скорее, подручный инструмент для обоснования уже predetermined и содействия действующей власти в выполнении отдельных узкотехнических задач (последнее объясняет причину того, почему у нас одним из наиболее перспективных и плодотворных направлений юридического научного знания является юридическая техника).

Ученым предстоит покинуть башню из слоновой кости увлекательных, но далеких от жизни фэнтезийных проблем, а также занять более независимую позицию по отношению к решениям начальства (представителей действующей государственной власти, занимающих ответственные посты в управленческой иерархии). Как бы некомфортно это ни было. Потому что наука должна прежде всего служить обществу.

¹ См., например: Annual Report 2019–2020 / World Economic Forum. November 2020. P. 132. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Annual_Report_2019_2020.pdf (дата обращения: 20.05.2024); King J., Meinhardt C. Rethinking Privacy in the AI Era: Policy Provocations for a Data-Centric World / Stanford University. White Paper. February 2024. URL: <https://hai.stanford.edu/sites/default/files/2024-02/White-Paper-Rethinking-Privacy-AI-Era.pdf>. (дата обращения: 20.05.2024).

² См.: Рувинский Р. З. Правовые аспекты внедрения системы социального кредита в современное публичное управление. С. 176–184.

³ См.: Walling C. B. Human Rights Norms, State Sovereignty, and Humanitarian Intervention // Human Rights Quarterly. 2015. Vol. 37. Pp. 383–413.

⁴ См.: Bavikatte S. K. Stewarding the Earth: Rethinking Property and the Emergence of Biocultural Rights. Oxford University Press, 2014. Pp. 116–143; France-Hudson B. Surprisingly Social: Private Property and Environmental Management. *Journal of Environmental Law*, 2017, vol. 29, no. 1, pp. 101–127.